

Солнечная Звездочка, Чачома Тешкс* ему говорила, когда ей было столько лет, сколько пальцев на обеих ладонях: — Я пойду по берегу речки, поклонюсь Веды-аве**, пусть даст мне красный камешек, ты мне его растолчешь, я выпью с ведь пря*** и у нас будет сыночек. И сколько мне красных камешков растолчешь, столько у нас будет сыночков. А сколько белых камешков — столько дочек.

Он был Желудь, сын Дубового Кряжа, чуть постарше ее. Они вместе искали красные камешки, но попадались всякие другие, серые, голубые и черные, а красных не было.

Отец Желудя сквозь пальцы смотрел на их игры: пусть мать, Ветка, разбирается. И улыбался лишь.

Отец Родинки, Свирепый Бык, тоже следил за дружбой двух детей. Он сказал Дубовому Кряжу сердито, видно, не умел улыбаться:

— Два коня и два поля отдашь выкупом за дочку, что с Желудем гуляет. За меньшее не получите.

— Пусть подрастут хотя бы,— все так же добро улыбался Кряж,— а то вырастут и разлетятся.

— Все равно отдашь,— скрипел зубами и отводил глаза в сторону Бык.— А не то у меня родная сестра за болгарским сотником. Лишь кликну!

И накликал...

1

Инязор**** Дубовый Кряж сражался словно сам Нишке-паз*****, спустившийся на землю. Он не упал и тогда, когда сзади болгарский воин вогнал ему под левое

---

* Чачома тешкс (здесь и далее: морд.) — Солнечная звезда. Зд. родинка.

** Веды-ава — богиня воды.

*** Веды пря — рассветная целебная вода родника.

**** Ине — большой, великий, зор — хозяин. Зд. великий вождь, князь.

***** Нишке-паз — Верховное божество древней мордвы.

плечо со всего махну копые свое остроконечное. Руки лишь раскинул Дубовый Кряж, будто пытался обнять битву. В одной руке меч, в другой — легкий щит. Булгарские воины попробовали вырвать меч из правой руки инязора, не хватило сил, отрубили правую руку. Затем левую. Богатырь развернулся вправо, влево, поливая врагов своей кровью, а когда земля встала на дыбы и нахлынула вмиг ночь, он провалился в эту темноту, не вскрикнул. Лишь шумно выдохнул.

Когда Нишке-паз в буре и гнев выворачивает с корнем дерева, дубы падают с грохотом, звеня листвою, но без стона. Они никогда не оставляют после себя корневых побегов. Выживет желудь, значит, через время будет новое дерево. Не выживет желудь, не прорастет — через время от дуба ничего не останется. Ни следа. Да если и проклюнется из желудя росток, то пока из мизинца вырастет великан, не всякий человек дождетя.

Крепок был мараля*, да видно прогневил чем-то своего бога, потому и его не пожалел, не защитил Нишке-паз. Пал Дубовый Кряж от рук булгарских воинов. Многие в той битве пали. И дядька Селезень, и дядька Кулак, и Сосна, и Клык, и другие мужи из племени Дубового Кряжа. Многие были изранены, без сил остались на бранном поле кровью истекать.

Ринулись тогда булгары на Ошпанду** — огороженное земляным валом и крепким высоким частоколом селение Дубового Кряжа — вырвать ростки Кряжа, обрубить корни, растоптать желуди, чтобы никто после не смог отомстить, не стоял бы перед ними страх мщения. Но успели уйти женщины из городища, сокрылись вместе с детьми и подростками в Черном Урмане. В самом глухом лесу приокском. Не сунулись туда булгарские воины, отступились, побоялись местных богов и побоялись лесных урочищ. Очень легко там засады устраивать. Не зря местные племена и жители общин назывались лесными людьми. Лес для них был и домом, и кормильцем, и особенно защитой. И городище жечь не стали булгары, словно приготовили его для кого-то. После поняли, для кого. Для него. Для Быка Свирепого.

И поныне Желудь, вспомнив тот набег булгарский, в бессилии кулаки сжимает. Отмстить хочет.

Прибыли после булгарские посланцы, обещая помилование, но потребовали утопить отвагу отцовскую в Оке-реке. Отдать мечи и доспехи отцов, подобранные сыновьями на поле той кровавой сечи, чтобы не брались снова лесные люди за оружие, чтобы дань платили пушниной да зерном, что умели-таки они выращивать на отвоеванных у леса полях.

Инязором кликнули Быка Свирепого. Кликнули те, свои, с кем пришел, да булгарские посланцы. Городищенские молчали. Некому было супротивничать. Дети и жены на этот сход не были допущены. Калеки, воины Дубового Кряжа, — не в счет.

...Что-то из оружия пришлось отдать булгарину, то, что не успели вытащить и спрятать с поля боя. Многие ушли дальше в лес от булгар. Многие, прятавшиеся в лесах, начали возвращаться в Ошпанду. Не захотели бросить насиженные и намоленные места, места обжитые и где были похоронены косточки родичей. И куда могли вернуться, а иногда возвращались из половецкого и булгарского плена родные или одноплеменники. И куда должны были возвращаться прятавшиеся по лесам.

Платили дань. Копили силы. Зверя ловили силками, брали на рогатину.

Мужи называли себя *морденс*, жены — *ава*.

Хорошее место было у Оки-реки, где Ошпанда — городище их находилось. Приходили сюда дальние соплеменники, говорившие с ними на одном языке. От рек Су-

---

* *Мараля* — богатырь.

** *Ошпанда* — острог, городище, укрепленная твердь.

ры и Мокши. От среднего течения реки Рав*. Выживали их оттуда другие народы — хазары, болгары, черемись.

Приходящие рожались, рожали детей.

Втайне подростки рядились в чудом уцелевшие отцовские доспехи, размахивали отчищенными песком мечами. Учились мастерить и натягивать луки. Верховодили подростками из местных Желудь, сын павшего Дубового Кряжа, и Айгар, сын инязора нынешнего. Две ватаги, два вожака смогут ли быть заодно? Пришлые взрослые мужи да подростки парни из обеих ватаг уходили по летнему зною на дальние мшары да болотистые места, искали болотную руду. Работа сплачивала. Нужны были сошники да серпы, да топоры.

Свирепый Бык с булгарами были как одна рука. Потому раньше и не спалили, а лишь ограбили дома городищенские. По уговору. Булгары стан разбили на взгорке, недалеко от городища. Чуть что, Бык посылал верхового в болгарский стан. И болгары — вот они! Открывай ворота Ошпанды, сьмай порты! Быковские и болгарские — сам-свой.

Городищенское подрастающее племя косилось, ждало случая.

За рекой Окой жил-был еще один народ. Русские. Рузонь. Так и хотелось крикнуть через всю реку: «Русский! Выручай! Помоги булгарина разбить — будешь белку с дыма иметь!»

Русские частенько в Ошпанду приплывали на майдан: меняли ножи да топоры, да сошники за мед, за беличьи шкурки. Высматривали, выспрашивали. Инязор русский из города Рузонь приплывал: «Кому дань платите, мордены? Булгарам?» Но ничего не обещал. Свирепый Бык сразу посылал за булгарами в их стан. Булгары строжились, плетьюми грозились:

— Придет болгарский каган, он русским задаст жару. Деревянные дома здорово пылают. И вам, *морда-авам*, влетит. Не хотите быть нашими данниками, будете нашими рабами!

Хазары на майдан с низовья Рав приплавливались с товарами тоже. И тоже:

— Кому дань платите? И мы бы вас защитили, если бы нам платили...

Но далеко хазары. Булгары ближе. А еще ближе рузонь. Русский инязор присматривается. С булгарами схватиться — дело нешуточное.

В сторону Чи** за лесами — дикое поле. А там другой народ. Пакся ломанть***. Степняки, или полевцы, как их называли русские. В другую сторону от Чи — русский Владимир-град, богатый и сильный. Но Владимир далеко. За Рузонь, и дальше — за мурома-народом... А булгары, да хазары, да полевцы ближе. У рузонь инязора договор и с теми, и с другими, и с третьими: друг друга не трогать. И платят мордава двойную дань булгарам. Врагам своим. А кому-то друзьям. И не все русские князья с булгарами договор имеют. Если б не Свирепый Бык, друг болгарский, то... К тому же булгары поручили дань собирать Быку Свирепому, а он от той дани и себя не обделит. Кому война, кому — мать родна.

Бык был постоянно в разъездах: все дань собирал булгарам, а себе — подать. Его окружал десяток дружинников. Лишь столько разрешили булгары иметь вооруженных подручных Быку. Все равно верить-доверять опасались даже ему. Потому еще и своих воинов с десяток-другой для стражи и опаски давали ему в подмогу. И для надзора тоже.

Свирепый Бык чуть рассердится, «Убью!» — кричит страшно. На Ветку кричал.

---

* Рав — Волга.

** Чи — солнце.

*** Пакся ломанть — степные люди.

— Не хотите добром отдать землю за Родинку, заберу сам! Ты со своими детьми жива до сих пор потому, что оставил тебя себе в жены. Будешь Куд-авой* у меня.

Ветка и после гибели Дубового Кряжа не покрылась морщинами от печали. Молодые годы печаль пересиливают.

— Или будешь третьей женой мне, или твоих сыновей продам в рабство хазарское! Или убью! — ревел.

Мог и убить. И убивал... Особенно не жалел тех, кто с Дубовым Кряжем бился против булгар. Слово раб, который старается быть злее своего хозяина. Таковы были и его дружинники. Слово враги своему народу. Не жалели даже тех, кто с ними пришел когда-то в Ошпанду, а про местных бойцов против булгар и говорить нечего.

Перед тем Бык долго думал, сопел: что делать со вдовами и детьми их малолетними? Надумал. Пусть живут, пусть растут, как лес после пожара. Пусть работают на полях Быка. Или на общинных полях. Пусть платят дань. И пусть зарабатывают на подать. Пусть рыбу ловят, носят половину Быку. Пусть пчелиный мед собирают, несут половину Быку. Со всего — половина. Пусть чувствуют себя не людьми, а половинками. Это тешило сердце Свирепого Быка. Забывал он о том, что половинки подрастали. Долго ли могут быть люди половинками?

2

Новый инязор Свирепый Бык поселился со своими двумя женами и другими домочадцами в доме погибшего Дубового Кряжа. Самом большом доме Ошпанды, рубленом на русский лад, подсмотренный и перенятый в Рузонь. Светлица да горница, клетки да подклетки. Вдова Кряжа Ветка и сыновья, кроме Желудя, были Веряска с Ведькаем, остались жить в дальней полутемной комнатке на правах то ли бедных родственников, то ли рабов. Ветка опасалась, что Свирепый Бык недолго станет их терпеть и расправится с ней и ее тремя детьми или попросту выставит за дверь. Женой Быка она быть не хотела. Не хотела и все. Сравнить ли Быка с Дубовым Кряжем?! Что же, что погиб? А в голове все еще живой. В груди — живой.

Однако сын Дубового Кряжа Желтый Желудь пока стал в семье Свирепого Быка, похоже, своим. Играл с детьми Свирепого Быка, своими сверстниками, помогал старшим по хозяйству, когда стал подрастать. Сыновья Быка Айгар, Белый Клок и Коршун, казалось, были Желудю в играх товарищи, а их сестренка, Родинка, была и ему сестрой. Но когда играли с соседскими ровесниками в свои семьи, то Родинка всегда хотела, чтобы Желудь был вместе с ней, чтобы они были как тетя и ава**. Играя, он уходил якобы в поле пахать, сеять. Или на охоту, или на рыбную ловлю, подражая старшим, увиденному или услышанному от них. Она нянчила своих младших братишек и сестричек. Якобы их с Желудем детишек. Лепила из сырого песка лепешки. Желудь возвращался со своего мужского занятия, приносил охалку коневника или борщевки, угощал всех устало. Родинка хлопотала рядом, поливала ему на руки из берестяного туюска, гладила его плечи, обо всем забывая.

К ним пыталась прибиться Баяга*** — дочка убитого рядом с Дубовым Кряжем дяди Кундо.

— Тоже хочу быть женой Желудя. Примите в свою семью. Младшей женой.

Родинка сердилась, надувала губы.

— Нет. Ни младшей, никакой. Ты не дочь инязора. Ты безотцовщина, сирота. Твое место на заднем дворе.

---

* *Куд-ава* — богиня дома.

** *Тетя и ава* — отец и мать.

*** *Баяга* — цветок.

Баяга, потупив голову, соглашалась быть на заднем дворе...

Когда младшие подростки, на них оставляли других последней, а Желудь с Родинкой и соседские подростки с ними часто выходили к опушкам Черного Урмана, лесного урочища за городищенскими полями. Там и грибы, и ягоды. На реке снасти рыболовецкие. Свирепый Бык велел Желудю ловить рыбу и приносить в городище ему и для общины, и на прокорм Ветке с сыновьями. По дороге баловались. Представляли своих врагов:

— Я болгарин!..— Или:

— Я полевец!

И бросались за девчонками:

— Догоню, вылюблю!..

Девчонки кидались врассыпную, попробуй догони! Попробуй поймай! Разлетались, как птички, стайкой вспорхнувшие из-под ног. Родинка бежала с Баягой. Желудь всегда бросался за ними, догонял и обгонял Баягу и продолжал бежать за Родинкой.

Она всегда убегала в одно и то же им знакомое место и там приостанавливалась, давая себя поймать. Они сначала вздрагивали от нечаянного прикосновения. Она съезживалась, как пойманный зверек, замирала птенчиком, но вскоре уже не отодвигалась, а, открыто глядя в глаза ему, обнимала его за талию, влекла на пахучую от высоких цветов траву лесной опушки.

— Я жена твоя,— шептала,— ты — мой суженый,— как в детстве, когда играли в семью и свой дом.

И он сперва смущался, а потом стал сам назначать встречу, после того как стемнеет.

— Выйди, Родинка, к амбарам. Выйди, моя Солнечная Звездочка.

И вдруг все оборвалось.

Сначала мать ее, Лисичуха, запретила встречаться им.

— Эй, слушай, дочка! Ты теперь невеста и с Желудем не гуляй! Готовься к замужеству. Найдется добрый человек, выйдешь за него. Хочешь за Желудя? Может, и за Желудя отдаст Бык Свирепый.

За Желудя лишь хотела Родинка замуж. И сам Желудь хотел лишь ее. Она ему еженощно снилась на их цветочной поляне. Он обнимал ее.

— Женился бы на ней,— мать Ветка сказала,— если б Свирепый Бык не просил так дорого. А еще лучше, если женишься на Баяге. Ее мать подруга моя. Баяга без отца, ты без отца. Поля отцовские зарастают, что не успел прибрать Свирепый Бык. Пашите, растите пшеницу. Растите детей с Баягой.

— Вай, не хочу Баягу. Родинку хочу. Она для меня лучше.

— Чем лучше? Две руки, две ноги, голова одна.

— У Баяги — две руки, две ноги. Мне с Родинкой счастье.

— Хорошо, подойду к Быку, еще раз посватаюсь.

Свирепый Бык стал сердитее сначала, а после наклонил голову и сычом хитро:

— Сколько земли осталось, отдашь сыновьям моим. Пока не заросла березняком.

Или Желудь с Родинкой пусть себе возьмут все. Если б Родинка, дочка, не полюбила Желудя, сам бы все забрал, спрашивать не стал. А пока прошу...— хмурился, скрипел зубами.

— Нет,— сказала Ветка,— твои дети — это твои дети. А у меня еще два сына. Им кто землю отдаст?!. Они уже вырастают, сами начнут обихаживать поле свое.

— Вот сами пусть и корчуют, а ты когда надумаешь замуж за меня? Думай быстрее. Не хочу силой пока.

По законам предков, раскорчеванное морденс поле за ним и детьми оставалось навечно. Корчуй сам, выжигай место — будет твое. Или иди пахать в дикое поле, оно жирно — богатый урожай будет. Но там полевцы, там хазары, там болгары. Там

нужна твердь, городище, крепость для защиты. А и то, разве защитили дубовые стены Ошпанды от болгар?

Помощь нужна от рузонь. Свирепый Бык мог бы с помощью болгар давно забрать любое поле возле Ошпанды. Но из-за реки Оки слухи шли: рузонь собираются на болгар. И путь будет мимо Ошпанды. Булгары, сторожившие мордавов и взимавшие дань с них, неожиданно исчезли.

3

Желудь часто встречался с бывшими ратниками отца, Сиплым Прончатом да Кривым Глазом. У Прончата часть стрелы болгарской в шее, потому сипел. Кривой Глаз раньше звался Долгая Рука за то, что из лука своего далеко и точно в цель бил. Глаз потерял в бою, окривел, стал Кривым Глазом.

Сиплый Прончат говорил:

— Неспроста ушли болгары. Быть войне. Не иначе, рузонь из Владимира надо ждать. Лучше будет или хуже, никому не знать. А вот раньше мы платили дань Рузонь много меньше, чем булгарину. После на русской земле пошли междоусобицы. Свои братья инязоры перегрызлись, передрались. Не до мордавы стало, не до нас.

Кривой Глаз добавлял:

— Булгарские торговые люди рассказывают, что за морем Хвалынским война всюду. Пришел хан Чингиз с восхода, необоримое войско у него. Беспощадное, непобедимое. Кого победит, а кого уговорит, и войско у него растет. И все побежденные народы отдают молодых мужчин в его войско.

Желудь слушал, вникал. Он во многое вникать начал, как стал подрастать.

— Твой отец был инязором,— внушала ему мать.— Многие наши земли у Свирепного Быка. Был бы инязором ты, земля была бы нашей. Род большой. Других бы заставили, наняли. Все бы засеяно было. Сейчас много земли пустует. Давай-начинай-работай-думай.

— Твой отец был инязором,— говаривал друг отца и побратим Кривой Глаз.— И сейчас ты живешь в семье инязора. Свирепый Бык взял верх несправедливо. С помощью болгар. Нас склонил дань платить и за себя, и за погибших в битве с булгарами, и за тех, кто утек в леса под защиту Вирь-авы*. А твой отец, Дубовый Кряж, находил всех, кто был у Вирь-авы, дань распределял на всех справедливо.

Другой соратник отца, Прончат Сипатый сипел-нашепывал:

— Тебе надо быть инязором, набирай товарищей себе, привлекай к себе мордавов.

Рассказывал ему Желудь о себе и Родинке, не раскрывая, чья она дочь. Как быть?

— При твоём отце,— поучал Прончат Сипатый,— соблюдался старинный закон: кто подрастал из мордавы, оперялся, прежде чем завести жену должен был убить врага. Тогда мог посватать любую девушку. Если она согласится. Отец не мог супротивничать.

— Но сейчас нет войны,— разводил руками Желудь.

— Войны нет, а враги есть. Кто-то чужие борти повадилась в лесу обирать. Кто-то чужие верши повадилась в реке обирать. Кто-то скот ворует. А булгарин, что дань берет с нас непомерную?! А Свирепый Бык, что повинен в смерти твоего отца?!.

— Пока нет болгар,— наставлял Кривой Глаз,— возьмите еще у меня мечи старые и старые доспехи. Я их схоронил про случай. Учитесь владеть оружием. Собирай друзей-товарищей,— повторял Кривой Глаз,— а кто-то,— он понижал голос,— в священной роще священное дерево оскверняет. Наносит обиды Нишке-пазу. Кто-то хочет поссорить нас с нашим верховным божеством Нишке-пазом. Посторожил бы

---

* Вирь-ава — богиня леса.

ты возле дуба священного, как отец твой, бывало, сторожил там. Пожил бы рядом с Нишке-пазом. Подказал бы тебе он чего. Давно никто не разговаривал с ним».

— Слушай, ялгай*, — сипел Прончат, — с тобой много молодых дружат. Коноводишь у них. Вадря**. Будешь инязором, как отец твой. Да и называть тебя надо бы по-другому. Не Желудь, а... — он пылливо глянул на парня, — ...Морго Тумо***. Тянутся к тебе ровесники, пек вадря. Но и ты должен за людей себя не жалеть. Как Дубовый Кряж, отец твой. Не о своей выгоде думай, а пекись о выгоде близких твоих. Тех, кто тебя окружает. О выгоде племени твоего. И если народ не отблагодарит при жизни, то память народная все поймет и оценит, расставит по местам. Думаешь, богатырям, о которых народ поет, легко жилось? Думаешь, им под ноги не бросали палки? Думаешь, им в сапоги воды не лили? Зависть человеческая раньше человека родилась. Почему Свирепый Бык навел на Ошпанду болгар? Позавидовал Дубовому Кряжу. Ты станешь воином, инязором, справедливость верни...

Много чего Прончат Сипатый и Кривой Глаз, соратники отца, говорили. Умные. Ведь-ава с ними дружит. И Чам-паз. Друзья лучший кусок обеда им предлагают. И те платят добром.

Мать печалилась:

— Свирепый Бык просил у отца два поля за Родинку. Забрал больше и еще просит. Как ты думаешь сватать Родинку, дочь Свирепного Быка? Люди говорят, он повинен в смерти отца твоего. Как быть?

Как быть?..

Приходить стал Морго Тумо к священному дубу. Прижимался к нему. Молчал дуб. Ничего не говорил пришедшему. Тот попытался забраться на дерево, ободрал в кровь о дубовую кору ладони. Не взобрался.

— Слабак! — показалось, засмеялся кто-то в листве.

Взъярился Морго Тумо. Слегу нашел. Разбежался, уперся слегой рядом с деревом и, опираясь на нее, взлетел по стволу, ухватился за нижний толстенный сук.

— Упрямый! — кто-то удивился в листве.

— Смелый! — подтвердили на самой вершине.

— Сын инязора! — жестко потерлись друг о друга листья дуба, словно звенья кольчуги Дубового Кряжа.

— Скоро сам будет инязором, — терлись друг о друга ветви дуба, словно плечи воинов в дружине Дубового Кряжа.

Но Дубовый Кряж погиб за народ свой. Сможет ли постоять, а если надо — погибнуть, сын Дубового Кряжа за народ свой? За племя свое? За богов своих?

— Как сделать, чтобы родственные племена стали одной семьей и не точили друг на друга зубы кинжалов? — вопрошал Сук Дуба своего покровителя.

— Ищи ответа у народа своего, — гудел ствол дерева.

— Где ответ, какой ответ?

Приходили на ум лишь сказки матери о богатыре, объединившем народ свой и тем спасшем его.

Объединять разные роды народа своего? Разные племена? Разные селения, идущие за Свирепым Быком, и другие селения, ждущие падения Свирепного Быка? Как примирить и объединить врагов, которых разделяет кровная месть?

— Женись на Солнечной Звездочке, Родинке. Попробуй слить, смешать кровь врагов. Не закипит, значит, будет род твой новым и крепким.

— Но все против нашего союза. Как может сын Дубового Кряжа, убитого наймитами Свирепного Быка, жениться на его дочери?

---

* Ялгай — друг, товарищ.

** Вадря — хорошо, пек вадря — очень хорошо.

*** Морго Тумо — Сук Дуба.

— А что сердце тебе говорит? Сердце сына инязора и сына своего народа!

Сердце лишь гудело в груди, словно колокола за рекой в Рузюнь.

А если не захотят те, другие, такого союза? Что же их, мечом принуждать? Как принуждает нас Бык Свирепый?..

— А что сердце тебе говорит? Сердце сына инязора и сына своего народа!

Громче и громче звучали колокола в груди.

— Преступить и принудить? Или простить и забыть?

— А что сердце тебе говорит? Сердце сына инязора и сына своего народа? — оглушил гром над головой.

Быть грозе великой.

4

Играть в войну — все равно пригодится когда-никогда. Играть в похороны — накличешь, пригласишь смерть. Но она все равно когда-никогда придет. Играть в свадьбу — спугнешь счастье.

Шли полем, лесом, рука об руку, Морго Тумо — Сук Дуба и Чачома Тешкс — Солнечная Звездочка. Шли как жених и невеста. Как муж и жена, морден и ава. Шли, кланялись богине земли Матор-аве.

— Матор-ава, матушка! — звонко пела Родинка. — Дай нам пути, пропусти через поле! Не нашли на нас ни змея, ни змеенышей. Позволь сорвать с тебя лишь вот этот красивый цветок. Цветок к цветочку — будет веночек, будет веночек жениху моему, Морго Тумо. И еще цветок к цветочку — сплету себе веночек, невесте, как замуж пойду за моего милого...

Шли и кланялись богине леса Вирь-аве.

— Заступница Вирь-ава! — кричал на весь лес Сук Дуба. — Дай через лес пройти. Не нашли на нас ни злого волка Вержгиза, ни свирепого медведя Овто, дай лишьгоды лесной, накормлю мою милую.

У богини воды Веды-авы просил:

— Красавица Веды-ава! Дай нам пути. Не нашли на нас злого водяного Веды-паза, ни холодной лягушки Ватракши. Дай лишь рыбки немного накормить мою милую.

Проверял вентера, сплетенные из волокон дикой конопля, ныреты из тонкого ивового прута. Первой рыбкой всюду благодарили Веды-аву. Повздевали остальную рыбу под жаберные крышки на куканы, опустили в реку, пусть подождет. А сами купаться стали. Молодые, стройные, взяли за руки, вошли в многоструйную реку.

— Хочу поплыть к омуту Веды-паза, — развернул плечи Дубовый Сук.

— Вай, не надо! — испугалась Солнечная Звездочка. — Веды-ава бывает доброй, Веды-паз никогда добрым не был. Утащит на дно, с кем быть мне после?

— Найдешь себе. А мне, Дубовому Суку, не пристало теперь водяных бояться.

Не послушал бестолковый Сук, поплыл на стремнину к омуту. Она постояла-постояла по пояс в воде. Боязно без него. За ним поплыла. Лес на берегу притих, птицы-певицы притихли.

— Вай! — слышит Морго Тумо. — Тону! — взхлеб...

Выпрыгнул по пояс из воды, оглянулся. Рука взметнулась над водой, легкая рука Звездочки. Видно, Веды-паз решил прибрать ее к себе. Умел уже плавать Сук Дубовый, рванул наперерез. Выхватил из рук Веды-паза свою возлюбленную, Родинку свою. Обнял ее одной рукой, другой к берегу погреб.

Далеко отнесло течением, к следующему песку. Бледная Родинка была, испуганная. Вода из носа пошла: успела воды наглотаться.

— Эх, зачем ты, Сук Дубовый, одну ее оставил? — казнила себя голова дубовая.

Отогрелась Родинка под лучами светлого Чи-паза, под солнышком. Улыбнулась виновато.

— Чуть невестой Ведь-паза не стала.

А глаза далеко-далеко, словно увидели нечто небывалое, удивились этому, никак назад не вернутся.

Обнял Морго Тумо девушку, привлек к себе. К груди своей прижал. Мало ей одного дневного солнца, человеческое тепло иногда живительнее. Исцеляет лучше солнца.

Перестали зубы стучать у Чачома Тешкс, у Солнечной Звездочки. Два солнышка греют ее. Засмеялась и смущенно, и счастливо.

— Я не испугалась совсем. Знала, что ты вырвешь меня из рук Ведь-паза. Потому что Ведь-ава любит тебя. Ты ей рыбку первую, рыбку лучшую оставляешь,— и рукой провела по его плечу, по груди, по животу. Оба нагие, статные, оба любят друг друга.

Когда оделись, Чи-паз на своей лодке к половине неба подплывал. Проверили еще раз нырета и вентеря, поделились рыбкой опять с Ведь-авой и Ведь-пазу дали.

— Возьми, дядя Ведь-паз, забываем тебя часто. Не сердчай!

5

Остальную рыбу взяли с собой. Тяжело. Хорошо, недалеко была тайная заимка. Мало кто знал ее. В ней жили Кривой Глаз и Сипатый Прончат. Жить в Городище опасались из-за мести врага своего, Свирепого Быка.

Привел Морго Тумо Солнечную Звездочку к Кривому Глазу:

— Вот она, моя Звездочка.

У Кривого Глаза единственный глаз и так за двоих смотрел, теперь еще больше стал.

— За такую невесту не жалко два поля. Три поля отдал бы, будь я моложе.

— У тебя нет трех полей! — засмеялся Морго Тумо.

— Сейчас верно, нет. Когда-то были. И невеста была. Булгары ее увели в плен. Где сейчас, не знаю... И дети были. Увели булгары. Или, может, убили,— обезображенное лицо Кривого Глаза еще больше скривилось.— Хорошо, если им в другом мире лучше, а если нет? Мучаются там с чужими?..

Помолчали.

— Рыбки тебе занесли,— не выдержал молчания Морго Тумо.— Дашь нам корзину, рыбу хочу в Рузонь отнести.

— Дам корзину и травкой нужной дно застелю. Рыба долго будет свежей. А ты иди не на майдан. Поздно уж. Иди на двор к русскому инязору. Отдашь ему. Он расплатится с тобой добром. Мы с отцом твоим ему рыбу относили,— поскрипывал Кривой Глаз, а сам быстро почистил несколько рыбин, поместил в горшке над очагом.— Бывало, студеной зимой в омуте Ведь-паза много рыбы останавливалось на зимовку, друг на друге лежали. Прорубь пробьем и острогой таскаем ее оттуда. Так много рыбы было, так ей было тесно, что на ее боках пролежни появлялись. Хорошо платил за рыбу рузонь инязор. Мы все друзьями были. Я тогда кривым не был. А вот постой-ка. Вот он что отцу твоему подарил. Когда на месте битвы мы провожали богатырей в другой мир, я оставил на память о Дубовом Кряже княжеский подарок. Нож рузонь инязора.

Кривой Глаз неуловимо провел рукой по стене своей лачуги, и в руке его заблестела полоска кинжала.

— Здесь княжеский знак. Покажешь, тебя русский инязор узнает.

Морго Тумо взял нож с трепетом. Словно отец послал ему этот нож. Может, и отец, руками Кривого Глаза...

В избушку протиснулся Сипатый Прончат.

— Я видел,— засипел он одышливо,— как Ведь-ава с Ведь-пазом недалеко на

песке обнимались. Ведь-паз вынес Ведь-аву из воды на руках. Чи-паз их сиянием своим облил, глаза режет. Потом они любились,— он улыбался зачарованно.

— Нехорошо подсматривать, Прончат,— покачал головой Кривой Глаз.— Спугнешь человеческое счастье.

— Не человеческое, нет,— затвердил Прончат Сипатый.— Говорю: Ведь-ава с Ведь-пазом!

Солнечная Звездочка слегка смущенно прыснула в ладошку.

— Что? — обернулся к ней Прончат.— Это были вы? — Посмотрел-посмотрел.— А я тебя знаю, ты дочь Быка Свирепого. Я узнал тебя! — и пальцем погрозил.

— Ну и что? — загородил ее Морго Тумо.— Он сам по себе, она сама по себе.

— Не-а, нет, так не бывает...— и что-то еще сипел неразборчиво Прончат.

— Правда, ты дочь Быка Свирепого? — спросил Кривой Глаз.

— Ну, правда, правда,— рассердился Сук Дуба.— Но ведь она тебе понравилась!

— Это так. Но ты с ней ко мне пришел зря,— в открытую сказал Кривой Глаз.— Они наши кровные враги.

— Причем здесь Родинка? — все больше сердился Морго Тумо. Поднял голову высоко, распрямил плечи: — Я инязор ваш, и я знаю, как поступить мне и вам. И что делать с дочерью Свирепого Быка,— и чуть тише,— меня мой покровитель — дуб священный наставил. И что для народа моего я могу сделать.

Кривой Глаз и Сипатый Прончат переглянулись сначала. Затем низко склонились перед новым инязором и молча пали на колени. Солнечная Звездочка с интересом, удивленно и несколько испуганно, по-новому взглянула на Морго Тумо.

— Твой отец мой враг,— сурово произнес Морго Тумо.— Ты знай об этом.

— Ты мой муж. И ты мой отец,— твердо ответила Чачома Тешкс, находя его руку.— Я была и буду твоей.

Стоявшие на коленях поклонились и жене нового инязора.

6

Кривой Глаз снял варево с очага, поставил на неструганные доски столешницы. Морго Тумо вытащил из мешочка, привязанного к поясу, щепоть соли. Богатство свое. Высыпал немного в горшок. Затем взял черпак, размешал и стал делить. Из первого черпака плеснул в угол очага — Тол-аве, богине огня. Еще плеснул к порожку, Куд-аве. Третий раз плеснул за порожек, Вирь-аве. Рыбы кусок вытащил из горшка закопченного. В лопушок завернул. К ручью отнес возле порога, Ведь-аве.

Затем сами уселись вокруг грубо сколоченного стола и начали есть похлебку, блюда очередность: первая ложка гостям почетным, князю с княгинюшкой.

Наелись, поклонились хозяевам и, захватив улов, зашагали дальше. Морго Тумо вновь вывел к реке, нашел спрятанную в кустах долбленку, осторожно усадил посредине свою нареченную, положил корзину с рыбой. Благополучно переправились по широкой реке. Где широкие берега, там течение тише. Ведь-ава помнила доброе и добрые подарки.

Спрятали лодку. Без приключений, хотя и с опаской, добрались до рузонь городка.

Много воинов, конных и пеших. Всюду шумно и возбужденно. Может, в поход собираются,— подумалось Дубовому Суку.

Они прошли на княжеский двор. Что-то было в памяти Дубового Сука из детства.

Вставал иногда перед ним во сне, иногда наяву как во сне, этот терем кружевной за высокими воротами. Где-то, казалось, когда-то он его видел. И на дом отцовский похож, только много больше.

— Кто такие? — строго спросили с высокого крыльца.

Морго Тумо протянул спрашивающему корзину с рыбой.

— А-а, рыбаки мордаванские. По-русски разумеешь? Плохо? Эй, Лабордыця*! Где там наш болтунишка? Подь сюды!

Откуда ни возьмись к нему подбежал и низко поклонился тощий мужичонка, за-тряс бородкой.

— Вот он я, князь-батюшка. Куды я подеваюсь? Денно и ночью на службе у тебя, князь-батюшка, и у твоей княгинюшки.

— Ну, зачал, балаболка. Замолчи.

— Молчу-молчу. Как скажешь, князюшка. Я всегда молчу. Такой мой удел, молчать.

— Замолчи, сказал. Спроси у них, кто такие и что хотят за рыбу.

Морго Тумо успел рассмотреть говорившего. Широкоплеч, борода с сединой, на перевязи короткий меч. Инязор, видно.

— Я сын инязора, убитого пять лет назад булгарами,— отвечал он суетливому человечку, а сам все глядел и глядел на князя.

— Как инязора звали?

— Дубовый Кряж.

— И ты его сын?

— Да. Вот нож, что остался после него.

— Ну-ка, дай сюда.— Вертлявый перехватил и передал нож князю.— Да, это мой нож. Мы обменялись ножами с мордавским воеводой. Давно уже. Так ты его сын? — Князь протянул нож обратно.— Возьми себе. Я знал твоего отца. Добрый был воевода. Мы ходили с ним на полевцев. Храбро сражались мордавы. На вот еще тебе.— Он протянул Морго Тумо серебряную монетку.— А это кто? Твоя невеста? Хороша! Ой, хороша! Ну, счастья тебе. Ожидай в гости.

— Еще хочу сказать,— не выдержал Дубовый Сук,— мы согласны были бы платить тебе, инязор, по белке с дымом, но ты помоги прогнать... помоги моему народу справиться с булгарами. А мы сами прогоним Свирепого Быка, их наймита.

Солнечная Звездочка и не шелохнулась, будто и не о ее отце была речь.

— Сказал, жди в гости,— весело пообещал с крыльца рузонь инязор.— Сбираем войско. Скоро двинем на твоих обидчиков. Вовремя ты пожаловал, а то бы и вас ненароком задели, как болгарских данников да помощничков. А теперь знать будем. Есть среди мордавов наши сторонники, как и раньше. Есть кому отомстить за Дубового Кряжа, твоего отца.

— Есть, рузонь инязор! — твердо сказал сын инязора мордавского.— Я не один. Нас уже сорок товарищей. Только мечи у нас старые. Еще после той битвы остались от погибших отцов.

— Дадим! Дадим вам мечи! Да еще и сами в бою добудете.

Быть сече! Быть грозе великой!

— Еще братья есть ли?

— Есть, рузонь инязор. Веряска и Ведыкай.

— Трое, значит? А у меня четверо,— он засмеялся довольно.— Роман, Игорь, Всеволод да Володимир. Поставлю их воеводами младшими в дружине своей. И к великому князю Владимирскому Всеволоду Большое Гнездо. Слышал про такого?

— Не слышал.

— Престол великого князя из Киева перешел во Владимир. При Андрее Боголюбском. Ныне великий князь Владимирский — Всеволод Большое Гнездо.

Морго Тумо старался не пропустить ни слова.

— Володимир! — кликнул князь одного из сыновей.— Проводи гостей до переправы. Чужих дружинников полно, кабы не обидели.

(Окончание следует)

---

* Лабордыця — болтун, балаболка.